

УДК 130.2

ТРАДИЦИЯ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**IMAGES OF TRADITION IN THEORETICAL CONSCIOUSNESS****Н.П. Рагозин**
N.P. Ragozin*Донецкий национальный технический университет,
ДНР, 83001, г. Донецк, ул. Артема, 58**Donetsk National Technical University,
58 Artem St, Donetsk, 83001, Donetsk People's Republic**E-mail: nragozin@inbox.ru*

Аннотация. Традиция как объективная форма социально-исторической преемственности и её различные образы в теоретическом сознании эпох, процессы наследования и его способы – таков главный предмет предлагаемой статьи. Автор связывает формирование основ теоретического понимания традиции с материалистическим пониманием истории К. Маркса, с его трактовкой общества как органической системы производства и воспроизводства человека во всём богатстве его общественных отношений.

Annotation. The key subject of analysis in the suggested article is tradition as an objective form of social and historical succession and its various images in theoretical consciousness of different ages, processes of succession and its ways. The author connects formation of the basis of theoretical comprehension of tradition with Marx's materialistic understanding of history, with his interpretation of society as an organic system including the process of production and reproduction in its full variety of social relationships.

Ключевые слова: традиция как форма преемственности, теоретические образы традиции, прогрессизм – консерватизм, материалистическое понимание истории, общество как органическая система, традиция как производство и воспроизводство общественной жизни.

Key words: tradition as a form of succession, theoretical images of tradition, progressiveness – conservatism, materialistic understanding of history, society as an organic system, tradition as production and reproduction of social life.

Новое время рождалось под знаком мятежа против традиции и укоренённых в ней представлений. Рационалистическая установка проекта современности требовала, как писал Рене Декарт, «не придавать особой веры тому, что нам было внушено только посредством примера и обычая». Френсис Бэкон, считавший рационально сконструированный эксперимент главным источником знаний, также утверждал: «Тщетно ожидать большого прибавления в знаниях от прививки нового к старому, должно быть совершено обновление до последних основ, если мы не хотим вечно вращаться в круге с самым ничтожным движением вперёд» [1, с. 17]. Джон Локк исходил из того, что разум человека – это *tabula rasa* (чистая доска), на которой опыт и учение пишут наново.

«Начинание с самого начала», отвержение застойных традиций феодального общества и создание нового общества предполагало, что интеллектуальный скарб старого мира будет подвергнут строгой ревизии человеческого рассудка и всё, что не выдержит испытания, будет безжалостно выброшено на свалку. В Новое время исторический прогресс просветителями мыслится как основанный на прогрессе человеческого разума. В эпоху Просвещения формируется рационалистический прогрессизм.

Просветителям исторические традиции представляются результатом укоренившихся предрассудков. А сами предрассудки понимаются как формообразования сознания, предшествующие представлениям и понятиям, созданным рассудком, как «тёмные» представления, не освещённые светом разума. Однако, мысленное уравнение «*предрассудок = исторически сложившееся представление = заблуждение*», сложившееся в рамках рационалистических установок проекта модерна, встретило возражение сторонников исторических традиций, которые исходили из презумпции разумности традиций, сформулированной историком и правоведом, одним из основателей немецкой исторической школы права Ю. Мёзером так: «У меня нет оснований считать, что наши предки были глупцами» [2, с. 228].

Основанием презумпции разумности традиций, выдвинутой Ю. Мёзером, была концепция «локального разума», согласно которой он для оправдания всякого старого обычая или привычки подыскивал разумную причину их существования [3]. Молодой Маркс верно подметил, что такой подход к истории грешит релятивизмом [См.: 4, с. 87]. Теоретическая позиция защитников традиции оказались перевернутым отображением просветительского взгляда на историю. Если Просвещение с позиций абстрактно-всеобщего Разума отрицает разумность существующих традиций, то историческая школа с позиций столь же абстрактной Традиции признаёт существование только исторически ограниченного «локального разума».

Начиная с эпохи великих буржуазных революций традиционализм как оппозиция прогрессизму постоянно присутствует в общественном сознании в различных модификациях. Можно выделить три типа защитников исторических традиций: 1) консерватор-охранитель *существующего* положения вещей; 2) реакционер-реставратор, стремящийся к возрождению некоего *существовавшего* образца (ценности или института), который, по его мнению, способен разрешить существенные проблемы современного общества; 3) традиционалист, отстаивающий не существующие или существовавшие институты и ценности, а *сам принцип органического роста общества и непрерывности исторических традиций*.

При всей значимости различий позиций защитников исторических традиций у них есть общие черты: во-первых, они судят о прошлом из настоящего; во-вторых, они относятся к традиции *избирательно*. Традиция уже не является вечным потоком, в который человек погружён целиком. Сторонник традиции пытается её осмыслить и использовать в соответствии со своим пониманием предназначения человека и общества. Такая отстранённость от традиции является следствием того, что историческое наследие, получаемое обществом Нового времени (или так называемой эпохи Модерна) от прошлого, во-первых, неоднородно (вплоть до наличия в нём противоположных и даже взаимоисключающих институтов и ценностей), а, во-вторых, это наследие в разной степени и в разных направлениях влияет на состояние современного общества.

Природа традиций становится одной из сквозных тем в социологии с самого начала её возникновения [5, с. 63-112]. При этом для социологического понимания традиции характерен анализ её производных, наличных форм. Возьмём для примера определение традиции, предложенное российским социологом А. Б. Гофманом: «В общем виде под традициями мы понимаем «социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определённых обществах и социальных группах в течение длительного времени». Составными частями традиции являются *объекты* социокультурного наследия (то, что передаётся), *процессы* наследования и его *способы*. Составными частями традиции выступают самые разнообразные явления: определённые культурные образцы, социальные институты, нормы, ценности, знания, обычаи, ритуалы, стили и т.д. Традиции существуют во всех социокультурных системах, образуя необходимый элемент их существования, развития, своеобразия и самостождественности. Особенно широка сфера их действия в архаических, докапиталистических, так называемых «традиционных» обществах» [5, с. 18].

В этом определении даётся *описание* традиции через перечисление её составных частей: - «культурного наследия», т.е. объектов традиции; - процессов наследования; - способов наследования. Затем в определении перечисляются наличные формы существования традиции – «определённые культурные образцы, социальные институты, нормы, ценности, знания, обычаи, ритуалы, стили и т.д.». В заключение указывается на наличие этого социального механизма во всех социокультурных системах и на его роль как необходимого элемента «их существования, развития, своеобразия и самостождественности». Но при этом вопрос о *природе необходимости* этого механизма выносится за скобки. Также остаётся неясным, *откуда* возникает наследие и *почему* оно подлежит передаче. Иными словами, вопросы, имеющие отношение к *сущности традиции*, оказываются не затронутыми. Между тем, определённая подсказка ответов на эти вопросы содержится в исходном значении категории «традиция».

Категория «традиция» (tradition), вошедшая в европейские языки из латыни, первым своим значением имеет вполне материальное действие – «передача», «вручение», вторым – «выдача», «сдача», и лишь в последующих значениях оно связано с социокультурными явлениями – «преподавание», «обучение», «предание», «повествование», «установившееся издавна мнение или привычка». Такой же порядок значений принадлежит и глаголу «trado», от которого происходит существительное «традиция». Trado означает: 1) «передавать», «вручать» что-либо из рук в руки, «отдавать» (например, дочь замуж), «вверять кого-либо чьему-то попечению»; 2) отдавать в чьё-то распоряжение; 3) передавать по наследству, оставлять, завещать имущество в пользование и владение; 4) доверять, поручать, возлагать, вверять; 5) поверять, рассказывать; 6) выдавать; 7) сообщать, учить, обучать, преподавать; 8) выдавать, предавать [7, с. 1022].

Если обратиться к исходному значению слова «традиция», то мы увидим, что оно служит для выражения вполне материальных отношений передачи-оставления-завещания созданных материальных ценностей для пользования-владения-сохранения. При этом в качестве вполне материальных отношений между людьми мыслятся даже семейно-брачные отношения. Данное обстоя-

тельство заставляет нас сделать вывод, что *сущность традиции следует искать в сфере производства, обмена, распределения, сохранения материальных благ*. Именно потому, что социология игнорирует эту основу традиций (это справедливо также и по отношению к культурной антропологии и этнологии), она предлагает феноменологию традиций, но не их теорию. Учитывая сказанное, следует признать, что *основы теоретического понимания традиции следует искать в ныне подзабытом материалистическом понимании истории К. Маркса*.

Маркс рассматривает общество как органическую систему производства и воспроизводства человека во всём богатстве его общественных отношений. Основой существования общественного человека является процесс производства и воспроизводства предметов потребления, средств производства и форм общения, благодаря которым организуется совместная жизнь и деятельность индивидов. Непрерывность воспроизводства этой основы является условием существования самого общества. При этом особенностью функционирования общества как самовоспроизводящейся (органической) системы является то, что природно и исторически данные предпосылки его существования самим процессом воспроизводства полагаются как его собственный результат, который в свою очередь становится предпосылкой нового цикла развития.

Если в целом охватить этот процесс, то его К. Маркс в «Немецкой идеологии» характеризует следующим образом: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно изменённой деятельности» [8, с. 44-45; ср. с. 37]. В самом общем виде этот процесс передачи-наследования производительных сил и форм общения в последовательной смене поколений и есть *традиция*. *Традиция – это процесс воспроизводства общественной жизни, который обеспечивает преемственность и поступательный ход истории*.

Воспроизводство – это процесс производства с заданным алгоритмом деятельности и гарантированным результатом, удовлетворяющим общественные потребности. Отсюда, из этого свойства традиции рождается её *авторитет*. Авторитет традиции основывается на доказанной практикой эффективности такого способа деятельности при данных условиях.

В воспроизводстве результат деятельности полагается как её цель, а реализация цели вновь приводит к результату. Результат суть постоянный исток деятельности воспроизводства, её начало и конец. Постоянное обращение к началу, особое почитание начала – характерная черта традиционалистского образа мысли. Молодой Маркс верно подметил эту особенность мысли адептов данного течения, иронически сравнивая их постоянное обращение к началу традиции с требованием к гребцу плыть не по реке, а по её истоку [4, с. 85].

В воспроизводстве новый субъект деятельности, для того чтобы добиться искомого результата, должен стать на место прежнего субъекта и воспроизвести порядок его действий, «вжиться» в образ его деятельности. Цель деятельности нового субъекта заключается в воспроизведении результата деятельности предшествующего субъекта. Цикл воспроизводства образует круг ².

Поскольку воспроизводство суть одновременно и производство, то оно самим своим непрерывным циклическим процессом изменяет собственные условия протекания и рождает новые способы деятельности. Традиция представляет собой диалектически противоречивое единство старого и нового, формы которого могут быть чрезвычайно разнообразными и неожиданными. Скорость протекания циклов воспроизводства определяется уровнем развития производительных сил общества и обусловленной этим уровнем мерой зависимости человека от природы.

В доиндустриальном обществе, где темп хозяйственной и социальной жизни был привязан к темпам протекания природных процессов, воспроизводство общественной жизни было замедленным, и однажды сложившийся уклад хозяйственной деятельности и социальных отношений мог сохраняться чрезвычайно продолжительное время, рождая так называемое «традиционное общество». Это наблюдение является «общим местом» социологии, его можно найти и у Конта, Спенсера, Дюркгейма и др., но только у Маркса этому явлению имеется вполне рациональное объяснение. В такого рода обществе воспроизводство-традиция благодаря долговому существованию, а также из-за зависимости общества от природных сил и отсутствия других способов удовлетворения общественных потребностей, со временем приобретает *сакральный* характер, охватывающий миропорядок в целом [9]. Форма деятельности и общения оттачивается и застывает в ритуалах, обычаях, заповедях представляющих тип рецептурного знания, построенного по принципу «делай так и получишь то-то». В традиционном обществе инновации медленно пробивают себе дорогу в профанных сферах человеческой жизнедеятельности.

² Представляется, что дополнительным свидетельством того, что традицию следует рассматривать через категорию воспроизводства, является обнаружение так называемого «герменевтического круга» представителями философской герменевтики (Аст, Шлейермахер, Хайдеггер, Гадамер).

Аналитически традицию можно расчленить на четыре момента: 1) *создатели наследия*; 2) само *наследие*, т.е. производительные силы и формы общения, как созданные предшествующим поколением людей, так и создаваемые последующим поколением; 3) *наследники*, т.е. преемники деятельности предшествующих поколений; 4) сам процесс передачи-наследования.

В «Немецкой идеологии» под наследием Маркс понимает производительные силы и формы общения. Понятие «производительные силы» Маркс заимствовал из сочинений экономистов. Однако у него это понятие, наряду с узким экономическим пониманием (рабочая сила + средства производства), употребляется в широком смысле, как «общественная производительная сила», и эта последняя может включать в себя такие компоненты, как способ совместной деятельности, кооперация, разделение труда, использование сил природы и техники, наука [10]. Производительные силы суть силы *общественного человека* и потому они рассматриваются в единстве со своей общественной формой, которую Маркс обозначает ёмкой категорией «форма общения».

Категория «форма общения» охватывает те отношения, которые в последующем Маркс будет называть производственными отношениями [11, с. 29-30]. Но кроме этого она включает другие типы социальных отношений – отношения технико-технологического свойства (разделение труда и разные виды кооперации), отношения собственности и правовые отношения, отношения между социальными группами и классами, а также средства общения – речь и сознание (как в его непосредственной форме, так и форме рафинированной, производимой в рамках духовного производства).

Производительные силы и формы общения являются двумя сторонами *способа деятельности* общественных индивидов, непрерывного производства и воспроизводства их общественной жизни. Формы общения различны для разных уровней развития производительных сил, но их диалектика такова, что ведущей стороной выступает развитие производительных сил. Роль форм общения двойственна: они вначале выступают условиями самодеятельности индивидов, но затем начинают её стеснять. «Эти различные условия, которые сначала являлись условиями самодеятельности, а впоследствии оказались оковами её, – пишет Маркс, – образуют на протяжении всего исторического развития связный ряд форм общения, связь которых заключается в том, что на место прежней, ставшей оковами, формы общения становится новая, – соответствующая более развитым производительным силам, а значит и более прогрессивному виду самодеятельности индивидов, – форма общения, которая, а son tour, превращается в оковы и заменяется другой формой. Так как эти условия на каждой ступени исторического развития соответствуют одновременно совершающемуся развитию производительных сил, то их история есть вместе с тем и история развивающихся и перенимаемых каждым новым поколением производительных сил, а тем самым и история развития сил самих индивидов» [8, с. 72]. В связи с этой характеристикой исторического процесса можно заметить, что Маркс понимает историю не только как естественноисторический процесс развития мощи производительных сил (что обычно подчёркивалось в «истматовских» учебниках), которые созданы человеком, но и как *культурно-исторический процесс развития самих индивидов*.

Традиция как процесс воспроизводства общественной жизни имеет отношение не только к временному измерению истории человеческого общества, но и к пространственному. Маркс отмечает: «Только от распространённости сношений зависит, теряются – или нет – для дальнейшего развития созданные в той или другой местности производительные силы, особенно изобретения. Пока сношения ограничиваются непосредственным соседством, каждое изобретение приходится делать в каждой отдельной местности заново; достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать всё сначала» [8, с. 54]. Ограниченное, локальное развитие человеческого общества не застраховано от случайностей, оно может приводить к утрате достижений, к срыву поступательного развития. Возможность преодоления этих срывов Маркс видит в переходе развития человеческого общества от локального к глобальному масштабу развития: «Только тогда, когда сношения приобретают мировой характер и базируются на крупной промышленности, когда все нации втягиваются в конкурентную борьбу, только тогда обеспечивается сохранение созданных производительных сил» [8, с. 54]. Одновременно с этим создаются условия освоения индивидами мирового наследия, т.к. «...отдельные индивиды освобождаются от различных национальных и местных рамок, вступают в практическую связь с производством (также и духовным) всего мира и для них становится возможным приобрести способность пользоваться этим всесторонним производством всего земного шара (всем тем, что создано людьми)» [8, с. 36]. К вопросу об освоении мирового наследия мы далее ещё вернёмся.

Передача наследия от одного поколения к другому, как правило, происходит в *зоне непосредственного контакта* [12, с. 322; 13, с. 423]. Обычно в рамках общества поколение *создателей наследия* включает в существующие формы общения своих *наследников* через различные механизмы социализации, воспитания, обучения, обеспечивая *освоение наследия*, или, если воспользоваться языком права, вступление в права наследования. При этом если форма общения предоставляет достаточно свободы для развития индивидуальности наследников, то процесс освоения наследия происходит без «сбоев». Иначе обстоит дело в том случае, когда эта форма превращается

в оковы. Тогда мы сталкиваемся с ситуацией *выборочного наследования* («От какого наследства мы отказываемся?»).

В современном обществе производительные силы и формы общения претерпевают глубокие преобразования на протяжении жизни одного поколения, что приводит к трудностям определения состава наследия и расстройству механизма его передачи. Это провоцирует попытки *отказа* от наследства (в зарубежной философско-культурологической мысли эта ситуация описывается в понятиях «аномии», «потери опыта», «дефицита легитимности», «потери ориентации», «смыслового дефицита», «неуправляемой сложности» общества), либо в качестве реакции на них – к *фундаменталистской защите традиций*.

В «Немецкой идеологии» Маркс рассматривает также такой вид традиции, как переход наследия одного общества к другому обществу, которое пытается овладеть им путём вооружённого захвата. По этому поводу Маркс пишет следующее: «Нет ничего обычнее представления, будто в истории до сих пор всё сводилось к захвату. Варвары захватили Римскую империю, и фактом этого захвата принято объяснять переход от античного мира к феодализму. Но при захвате варварами всё зависит от того, развил ли завоёванный народ уже к этому времени промышленные производительные силы, как это имеет место у современных народов, или же его производительные силы основываются главным образом лишь на его объединении и на существующей форме общности [Gemeinwesen]. Далее, характер захвата обусловлен объектом захвата. Состояние банкира, заключающееся в бумагах, нельзя вовсе захватить, если захватчик не подчинится условиям производства и общения, существующим в захваченной стране. То же относится и ко всему промышленному капиталу той или иной современной промышленной страны. И, наконец, захвату повсюду очень скоро приходит конец. Когда для захвата ничего уже более не остаётся, нужно перейти к производству. Из этой очень скоро наступающей необходимости производства следует, что та форма общественного строя, которая была принята осевшими завоевателями, должна соответствовать той ступени развития производительных сил, которую они застают, а если этого соответствия первоначально нет, то форма общественного строя должна измениться сообразно производительным силам. Этим объясняется также и факт, отмеченный повсюду в эпоху после переселения народов, а именно: раб стал господином, и завоеватели очень скоро переняли язык, образование и нравы завоёванных народов» [8, с. 74]. Формы общения народа-захватчика при переходе к производительной деятельности должны приспособиться к характеру производительных сил покорённого народа, а потому неизбежно трансформируются. Об этом же говорит и современный опыт экспорта демократии в неевропейские страны, в которых западная демократия приобретает черты образования и нравов местного населения.

Иное дело, когда развитые формы общения захватчиков в готовом виде переносятся на новую территорию. «В то время как на своей родине такая форма общения ещё обременена интересами и отношениями, унаследованными от прошлых эпох, – на новом месте она, – отмечает Маркс, – может и должна быть утверждена полностью и без препятствий, хотя бы уже для того, чтобы обеспечить завоевателям длительное господство» [8, с. 73].

Формы преемственности, связанные с захватом и колонизацией, находятся на периферии исторического развития. Главной линией исторического развития является поступательное развитие общества, в ходе которого оно переходит с одного уровня развития производительных сил и форм общения на другой. Такой переход для общества, разделённого на племена, касты, сословия, классы имеет свои особенности. Маркс отмечает наличие в таких обществах разных сосуществующих традиций, что объясняется, по меньшей мере, двумя причинами.

Во-первых, развитие такого общества происходит стихийно, «оно исходит из различных местностей, племён, наций, отраслей труда и т.д., каждая из которых первоначально развивается независимо от прочих, лишь мало-помалу вступая в связь с ними» [8, с. 72]. Во-вторых, развитие такого общества происходит медленно, т.к. «...различные ступени и интересы никогда не преодолеваются целиком, а лишь подчиняются побеждающим интересам, продолжая на протяжении веков влачить своё существование рядом с ними. Отсюда следует, что даже в рамках одной и той же нации индивиды, если даже отвлечься от их имущественных отношений, проделывают совершенно различное развитие и что более ранний интерес, когда соответствующая ему форма общения уже вытеснена формой общения, соответствующей более позднему интересу, ещё долго продолжает по традиции обладать властью в лице обособившейся от индивидов иллюзорной общности (государство, право), – властью, которая в конечном счёте может быть сломлена только посредством революции» [8, с. 72-73]. Устаревшие формы общения, превзойдённые развитием производительных сил, в силу исторической инерции и ограниченного развития частичных индивидов могут отрываться от содержания и, несмотря на то, что основа их существования уже подорвана, могут жить призрачной жизнью живых мертвецов. Традиции не только рождаются, они и умирают.

Эпохой массовой гибели старых традиций является капитализм. Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» выразились на этот счёт публицистически ярко: «Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся

ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освящёнными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устаревшими прежде, чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется...» [14, с. 427].

Речь в данном случае идёт о гибели традиций докапиталистического и капиталистического общества, а не о гибели традиций вообще, как иногда в литературе трактуется позиция марксистов. Маркс и Энгельс рассматривают капитализм как период подготовки условий для рождения иной формы культурно-исторической преемственности: ««На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счёт продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием» [14, с. 428]. Напомним, что эти слова написаны в 40-х годах XIX столетия, когда никто и не помышлял о глобальной сети электронных СМИ, о мировых базах данных и электронных библиотеках, доступных любому жителю нашей планеты через сеть Интернет, о возможности существования такой организации, как ЮНЕСКО и т.п.

В чём же заключаются особенности этой новой формы культурно-исторической преемственности, и какой способ освоения культурного (материального и духовного) наследия она предполагает?

Эпоха капитализма является эпохой рождения всемирной истории, когда все народы Земли втягиваются в единый исторический процесс, и, соответственно, она является эпохой рождения *всемирного культурного наследия* и, по выражению Маркса, «всемирного общения». На повестку дня становится преодоление старых ограниченных форм общения, благодаря чему «отдельные индивиды освобождаются от различных национальных и местных рамок, вступают в практическую связь с производством (также и духовным) всего мира и для них становится возможным приобрести способность пользоваться этим всесторонним производством всего земного шара (всем тем, что создано людьми)» [8, с. 36]. Освоение индивидами всемирно-исторического наследия трансформирует традицию в средство формирования «всемирно-исторических, эмпирически универсальных индивидов», делает их обладателями «действительного духовного богатства», которое, по убеждению Маркса, «всецело зависит от богатства ... действительных отношений» [8, с. 36].

Однако на пути такого освоения всемирного наследия в эпоху капитализма стоит частная собственность на средства производства, которая способствовала универсальному развитию производительных сил, но как сил *принадлежащих капиталу* [8, с. 67]. В форме общения капитализм отношения личной зависимости заменил на отношения вещной зависимости, в результате чего отношения индивидов к общественному богатству оказались опосредованы деньгами [8, с. 60]. Этот посредник теперь становится мерилем не только материального, но и духовного богатства, деформируя как наследие, значительная часть которого не используется во благо человека [8, с. 61], так и человеческих индивидов, превращая их в «абстрактных индивидов», чья связь с наследием носит случайный характер [8, с. 66].

Преодоление препятствий на пути формирования всемирного наследия как достояния всего человечества Маркс видит в двух мерах. Во-первых, это упразднение частной собственности на основные средства производства: «Современное универсальное общение не может быть подчинено индивиду никаким иным путём, как только тем, что будет подчинено всем им вместе» [8, с. 68]. Во-вторых, развитие производительных сил и форм общения должно находиться под сознательным контролем всех членов общества, оно должно быть избавлено от «всякой стихийности» [8, с. 68].

Анализ базисных отношений общества, раскрывающих способ воспроизводства и развития, даёт Марксу исходные категории понимания всего богатства и многообразия общественной жизни [8, с. 19]. Методом анализа общества у Маркса является метод восхождения от абстрактного к конкретному. Выделенные в ходе анализа способа производства общественной жизни категории рассматриваются Марксом как рабочий инструмент постижения всего конкретного богатства общественной жизни. «Абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности, - пишет Маркс, - они могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоёв. Но, в отличие от философии, эти абстракции отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи. Наоборот, трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала - относится ли он к минувшей эпохе или к современности, - когда принимаются за его действительное изображение» [7, с. 26]. Беда старого «школьного истмата» заключалась в том, что он чаще всего довольствовался игрой в дефиниции категорий и созиданием из них разного рода «систем» вместо того, чтобы с их помощью анализировать действительный ход истории.

Возвращаясь к вопросу о понимании традиций в рамках материалистического понимания истории, отметим, что их анализ у Маркса не останавливается на уровне базисных отношений общественной жизни. Разумеется, Маркс не собирается игнорировать тот факт, что в общественной жизни действуют наделённые волей и сознанием люди, и что, следовательно, процесс общественной жизни ими осознаётся и отливается в определённые формы сознания. С того момента, когда

общественное разделение труда достигает стадии отделения умственного труда от физического, общественное сознание приобретает относительную самостоятельность и оказывается способным создать те или иные *сознательные формы традиции*, которые находятся в сложных, противоречивых отношениях с действительным процессом исторического развития³.

Если мы берём формы традиции в их наличном состоянии, как сознательные формы и не прослеживаем их генезиса, связи с целостным процессом развития общества, то они приобретают непонятный характер. Так, в современной социологии сложились два альтернативных подхода к пониманию традиции. Сторонники одного подхода рассматривают традиции как своего рода социокультурные «гены», «которые однозначно детерминируют характер определённого общества или группы и выступают как аналог и (или) продолжение механизмов биологической наследственности или инстинктов» [5, с. 17]. Другая группа социологов впадает в противоположную крайность в понимании традиций. Они истолковывают традиции как процесс и результат сознательного конструирования, производства, изобретения и последующего их использования для достижения тех или иных целей. Полярное противостояние фатализма первого понимания традиций и волюнтаризма второго свидетельствует о серьёзных теоретических изъянах обеих позиций, в то время как теория традиции в рамках материалистического понимания истории свободна от этих недостатков.

И в заключение поставим вопрос о том, принадлежит ли марксистское понимание традиции прогрессистскому или традиционалистскому течению общественной мысли, или оно снимает эту антитезу?

В литературе [5, с. 73; 6, с. 255-256] встречается взгляд, согласно которому Маркс в общем тяготеет к прогрессизму. Нам кажется, что проделанный анализ позволяет утверждать, что такая трактовка является ошибочной. Маркс не может отвергать традиции уже в силу того, что для него они основа и механизм поступательного развития общества, следовательно, основа общественного прогресса. Но Маркс не является и апологетом традиции. Он анализирует различные формы традиции и способы их воздействия на поступательное развитие общества. Традиция может стать при определённых условиях силой, тормозящей развитие общества, но она же, сохраняя и передавая накопленный культурно-исторический опыт человечества, является источником исторического творчества, служащего развитию богатства человеческой индивидуальности.

Список литературы References

- Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. Т. 2. Сост., общая ред. А.Л. Субботина. – М.: Наука, 1978, С. 5-222.
Bacon F. The New Organon // Bacon's F. Soch. in 2 vols T. 2. Comp., General ed. by A. L. Subbotin. – М.: Nauka, 1978, P. 5-222.
Шацкий Е. Утопия и традиция: Пер. с польского / Общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
Shatsky E. Utopia and tradition: Per. with the Polish / Common. ed. and afterword. V. A. Chalikovas. – М.: Progress, 1990. – 456 p.
Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2004. – 480 с.
Meinecke, F. the Emergence of historicism / Ed. with it. – М.: ROSSPEN, 2004. – 480 p.
Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955, Т.1. – С. 85-92.
Marx, K. Philosophical Manifesto of the historical school of law // marks K., jengel's F. Soch., 2-e Izd. – М.: Politizdat, 1955, Vol. 1. – S. 85-92.
Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под редакцией А. Б. Гофмана. – М.: РОССПЭН, 2008. – 543 с.
Tradition and innovation in contemporary Russia. Sociological analysis of interactions and dynamics / edited by A. B. Hoffmann. – М.: ROSSPEN, 2008. – 543 p.
Шацкий Е. Утопия и традиция: Пер. с польского / Общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.

³ Одной из первых работ, в которой рассматривался вопрос о влиянии политической борьбы на формирование политических традиций, и их обратного влияния на политическую борьбу была известная работа К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт». В современной литературе можно назвать ряд работ, в которых рассматривается процесс сознательного формирования политических традиций как инструмента создания политической общности людей. Это, например, широко известная работа Б. Андерсона «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма», сборник статей под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэнджера «Изобретение традиций» или книга немецкого историка О. Данна «Нации и национализм в Германии. 1770-1990» - СПб., 2003. Классический анализ К. Маркса, работы указанных авторов, наконец, политическая практика современной Украины показывают, что создаваемые политические традиции могут играть как конструктивную, так деструктивную роль в развитии общества, могут быть прогрессивными или реакционными. И это разделение традиций не результат чьих-то субъективных пристрастий, а объективный факт, устанавливаемый анализом конкретного этапа в жизни общества.

- Shatsky E. Utopia and tradition: Per. with the Polish / Common. ed. and afterword. V. A. Chalikovas. – М.: Progress, 1990. – 456 p.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Около 50000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. – М.: «Русский язык», 1976. – 1096 с.
- Dvoretzkiy I.H. Latin-Russian dictionary. About 50,000 words. Ed. 2-e reprocessing. and additional – М.: "Russian language", 1976. – 1096 p.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-ое изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 3. – XII+629 с.
- Marx K., Engels F. the German ideology // marks K., jengel's F. Soch., 2nd ed. – М.: Politizdat, 1955. – Vol. 3. – XII+629 p.
- Кайуа Р. Человек и сакральное // Роже Кайуа Миф и человек. Человек и сакральное / Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: ОГИ, 2003. – С. 141-292.
- Багатурия Г.А. Категория «производительные силы в теоретическом наследии Маркса и Энгельса // Вопросы философии. 1983, № 9.
- Baghaturia G. A. Category of "productive forces in the theoretical heritage of Marx and Engels // Questions of philosophy. 1983, № 9.
- Рагозин Н. П. Цивилизация versus культура: по следам Марксовых размышлений // Культура и цивилизация – Донецк, ДонНТУ, вып. 1-2. – С. 25-37.
- Ragozin N. P. Civilization versus culture: in the footsteps of Marx's thinking // Culture and civilization – Donetsk, DonNTU, vol. 1-2. – S. 25-37.
- Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Маргарет Мид. Культура и мир детства. Избранные произведения / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева. Сост. и послесловие И. С. Кона. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – С. 322-362.
- Mid M. Culture and continuity. The study of generational conflict // Margaret Mead. Culture and world of childhood. Selected works / Per. from English. and comments. Y. A. Aseev. Comp. and after-lovie I. S. Kon. – М.: Home edition Oriental literature publishing house "Nauka", 1988. – S. 322-362.
- Кон И. С. Маргарет Мид и этнография детства // Маргарет Мид. Культура и мир детства. Избранные произведения / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева. Сост. и послесловие И.С. Кона. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – С. 398-426.
- Kon I. S. Margaret Mead and Ethnography of childhood // Margaret Mead. Culture and world of childhood. Selected works / Per. from English. and comments. Y. A. Aseev. Comp. and with an afterword by I. S. Kon. – М.: Chief editor-tion of Oriental literature of publishing house "Nauka", 1988. – S. 398-426.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-ое изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 4. – С. 419-459.
- Marx K., Engels F. the Communist Manifesto / K. Marx and F. Engels, Soch., 2nd ed. – М.: Politizdat, 1955. – Т. 4. – P. 419-459.